

Вопросы теории

У наследия великого юриста — международного XX века Всеволода Николаевича Дурденевского судьба трагична. Она тесно связана и с трагедией конца 40-х годов и первых послевоенных десятилетий: после тяжелой и продолжительной болезни умер его единственный сын, студент третьего курса МГИМО. Не вынесла этого горя супруга ученого, и вскоре после этого и она ушла из жизни. Сам профессор пытался крепиться, все еще ездил в институт, читал лекции, вел семинарские занятия, однако вечерами один, в трехкомнатной квартире, что в переулке Сивцев Вражек, не находил себе места. И все-таки писал статьи.

Одну из них он передал профессору М. И. Лазареву, чтобы прежде чем направить в редакцию журнала узнать его мнение по поводу написанного. Но узнать мнение молодого профессора Всеволод Николаевич не успел, потому что скончался.

После кончины профессора-дипломата милиция собрала рукописи в большой мешок и оставила его надолго в опечатанной квартире. Новый жилец, — им оказался высокий офицер милиции тщетно пытался передать эти рукописи либо в МИД СССР, либо в МГИМО, либо в Институт государства и права АН СССР. Но там почему-то проявили безразличие к этим бесценным бумагам, и тогда милиционер сдал эти бумаги в макулатуру.

Прошло много лет. Марклен Иванович Лазарев, разбирая свои бумаги, нашел статью Всеволода Николаевича и, понимая ее значимость, передал ее в наш журнал.

Низкий наш поклон Вам, Марклен Иванович! И благодарность от всех юристов-международников страны.

Помимо всего прочего, читатель, ознакомившись со статьей, увидит, что она актуальная и для сегодняшнего дня, хотя написана была почти полвека назад.

Ранее она нигде не публиковалась.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ “ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ” ПРЕЗИДЕНТА США.¹

В.Н. Дурденевский*

Конституция США от 17 сентября 1787 г. в п. 2 отд. 2 ст. 2 говорит: “Президент имеет право с совета и согласия Сената заключать² договоры, если согласие дают 2/3 присутствующих сенаторов”.

Эта же конституция в п. п. 1 и 3 отд. 10 ст. 1 устанавливает, что ни один штат не может вступать в договоры, союзы или конференции и без согласия конгресса заключать соглашения или конвенции с другим штатом или с иностранной державой.³

Из сопоставления этих текстов ясно, что творцами американской конституции в конце XVIII столетия проводилось различие между крупными договорами — трактатами и соглашениями по текущим и второстепенным вопросам. Штаты вообще лишены права заключать трактаты-договоры. Соглашения они заключать могут, но при условии согласия высшего федерального законодательного органа.

Президент может заключать трактаты-договоры под контролем сената. Может ли он заключать соглашения? Прямого ответа конституция не дает⁴. Мы имеем здесь типичный пример “лакуны”, или пробела в праве.

По вопросу может ли заключать соглашения президент, которому принадлежит исполнительная власть, и, следовательно практическое руководство международными отношениями (он принимает послов и других полномочных представителей), может быть дано четыре решения. Можно допустить:

- 1) что президент вообще не имеет права заключать соглашения;
- 2) что он, как и отдельный штат, нуждается для заключения такого соглашения в уполномочии со стороны законодательных органов;
- 3) что он имеет право заключать соглашения также под контролем сената;
- 4) что он может заключать их без сената.

Первое решение было бы явно непрактичным, так как потребность в соглашениях, дополняющих или толкующих отдельные постановления договоров, возникла еще в конфедеральном периоде США. Хотя статьи конференции 4 октября 1776 года требовали для заключения международного договора одобрения его квалифицированным большинством Конгресса США, однако необходимость срочного истолкования ст. ст. 2 и 3 договора “О дружбе и торговле с Францией” от 6 февраля 1778 г. вызвала заключение соглашения между президентом США (он же председатель конгресса) и французским министром иностранных дел путем обмена нотами 27 августа 1784 г. с дополнениями 3 и 9 сентября.

Конгресс не протестовал против этого ввиду важности для молодой конфедерации развития торговых отношений с Францией.

* Профессор, доктор юридических наук

В федеральный период была скоро осознана также невозможность по каждому случаю заключать торжественные трактаты.

Президенты США испробовали для установления порядка соглашений последовательно все варианты, данные выше под цифрами 2—4.

В 1792 г. у конгресса был испрошен акт об уполномочии генерал-почтмейстера США заключать, с совета и согласия президента, почтовые соглашения с иностранными державами без представления их сенату. В этом порядке были заключены многочисленные почтовые конвенции, а впоследствии актом 8 июня 1872 г. указанные полномочия были расширены в смысле заключения соглашений о почтовых перевозках между американскими и иностранными почтовыми ведомствами. В этом порядке США заключали конвенции Всемирного почтового союза.

Сенат США сравнительно рано стал держаться политики жесткого контроля в отношении представляемых ему международных договоров. Уже в 1804 г. он впервые принял договор с Англией с поправкой, что сильно осложнило вопрос о ратификации. Впоследствии, вплоть до нашего времени, сенат неоднократно отклонял договоры как Версальский, “замораживал” их как Лозанский, соглашался на ратификацию с поправками и дополнениями как договор о Панамском канале Гэя и Пааунсефота 1901 г.⁵ Положение исполнительной власти, которая заключает и подписывает договор без полной уверенности, что сможет его ратифицировать может быть, естественно, щекотливым.

Английская парламентская “кабинетская” система практически устраняет возможность затруднений с ратификацией, но в США этой системы нет. Понятно, поэтому, что президент Монро (позже автор знаменитой доктрины) с некоторой нерешительностью представил в сенат заключенное им соглашение через государственного секретаря с британским послом о количестве военных кораблей, которые США и Англия будут содержать на Великих озерах. Это соглашение было заключено 28 — 29 апреля 1817 г., но только к 18 апреля 1818 г. оно было представлено в сенат. Однако сенат встал на ту точку зрения, что не всякое соглашение есть договор (“трети”), хотя всякий договор заключает в себе соглашение, и он одобрил представленный ему “эгримент”, заметив в своей резолюции, что президент мог бы заключить такое соглашение в силу полномочий, которыми он облечен конституцией США. По видимому, тут имелись в виду полномочия главнокомандующего армией и флотом США, позволяющие устанавливать дислокацию войск и флота.

Получив это указание, Монро использовал его в том смысле, что не стал производить обмена ратификационными грамотами, а просто опубликовал соглашение и уведомил британского посла, что соглашение считается вошедшим в силу с даты его подписания. Этим был создан крупный прецедент, который дал путь к развитию многочисленных президентских “исполнительных соглашений”. Такие соглашения заключались неоднократно президентом, как руководителем внешней политики США, для улаживания споров с иностранными правительствами из-за жалоб иностранных или американских граждан на действия тех или иных властей. (Техасский прецедент 1838 г.). В этом порядке был заключен и проведен ряд соглашений о третейских разбирательствах

с южноамериканскими республиками, например с Гаити, Бразилией, Перу, Венесуэлой, Сальвадором. В этой же группе можно отметить соглашение с Испанией 11 и 12 февраля 1871 г., заключенное путем обмена нотами, на основании которого была организована международная арбитражная комиссия, разобравшая 140 жалоб граждан США на действия испанских властей на острове Куба и присудившая Испании к уплате крупной тогда суммы в 1 293 450 долларов, и соглашение с Россией об арбитраже по делам о захвате русскими крейсерами у Берингова моря американских китобойных шхун, заключенное также в порядке обмена нотами 26 августа и 8 сентября 1900 г. и приведшее впоследствии к подписанию так называемой китовой конвенции.

Кроме обмена нотами применялось заключение протоколов и даже просто соглашений, подписываемых обеими сторонами. В ряде случаев такие ноты, протоколы и соглашения, получившие название, затрагивали чрезвычайно серьезные политические вопросы.

Так, в 1899 г., был заключен *modus vivendi* с Англией (Канадой) по вопросу о границах Аляски около канала Линна, в 1888 г. по вопросам о Нью-Фаундленских рыболовных промыслах, в 1891 г. об охоте на китиков в Беринговом море.

Крупное значение имел протокол 9 декабря 1850 г. и последовавший обмен нотами 17 января и 10 февраля 1851 г., которыми Канада уступила США участок земли на своем берегу р. Ниагары у Подковообразной скалы близ знаменитого водопада для постройки электрической станции. Вопрос был разрешен без участия Сената, и конгресс лишь косвенно выразил свое одобрение этого важнейшего соглашения, ассигновав деньги на оплату территории и постройку станции. 6 июня 1882 г. и 4 июня 1896 г. были заключены соглашения с Мексикой, известные под именем соглашений Ромеро⁶, разрешавшие войскам Соединенных Штатов Америки и Мексики пересекать границы между этими государствами при преследовании разбойничьих банд индейцев. 10 августа 1899 г. генерал Бетс заключил с султаном Сулу на Филиппинах соглашение о признании султаном суверенитета США, о дружбе и торговле и о ликвидации рабства. Президент Мак-Кинли утвердил соглашение и довел его до сведения сената, но без оформления ратификацией.

Наконец, очень крупным примером международного президентского соглашения явился протокол перемирия с Испанией, заключенный в Вашингтоне, 12 августа 1898 г. и представляющий, строго говоря, предварительный мир и для Вест-Индийских островов. Испания обещала впоследствии формально уступить эти острова Соединенным Штатам.

Меры такого порядка явно выходили за пределы просто исполнительного соглашения. Они не вызвали, однако, сомнений в своей действительности, и конгресс США по инициативе нижней палаты даже поощрял расширение международных договорных прав президента отдельными законодательными актами.

Так, 3 марта 1875 г. актом об отводе земель индейцам было допущено, что в дальнейшем президент будет иметь право в случае нужды заключать соглашения с индейскими племенами, но договоры с ними больше заключаться не будут.⁷

Существенным для отношений с иностранными державами было систематическое расширение прав президента в сфере таможенных и торговых соглашений.

Уже актом 3 марта 1815 г. и последующими актами 7 января и 24 мая 1828 г. президенту были предоставлены известные права в применении реторсий в случае попыток иностранных государств дискриминировать торговлю Соединенных Штатов и отмене реторсий в случае отказа от таких попыток.

Президент использовал эти права для заключения соглашений с Кубой, Порто-Рико, Испанией и т. д. Тарифный закон Мак-Кинли 1 октября 1890 г., расширив указанные полномочия президента (ст. 3), привел к заключению ряда торговых соглашений с Бразилией, Испанией, Доминикой, Гватемалой, Германией, Англией, Никарагуа, Австро-Венгрией, Сальвадором.

Новый тарифный закон 27 августа 1894 г. (ст. 71) и закон Дингли 24 июля 1897 г. (ст. 3), отменив перечисленные соглашения, вместе с тем прямо предоставил и президенту право заключения "торговых соглашений" относительно ввоза товаров, указанных в специальных списках.

Последовало заключение новых торговых соглашений с Италией, Германией, Францией, Португалией, Швейцарией, Испанией (1909 г.), Болгарией (1906), Голландией и Англией (1907).

Торговые законы Фордни-Мак Кембер 21 сентября 1922 г. и Хэнли-Смут 17 июня 1930 г. предоставили президенту, в сущности, законодательные полномочия менять тарифные ставки по совету тарифного комитета (принцип гибкого тарифа). Эти полномочия были использованы для заключения новых соглашений.

Последний крупный шаг в этом направлении был сделан законом США 12 июня 1934 г. Его четыре статьи предоставляют президенту право заключения торговых соглашений с иностранными правительствами и в соответствии с этими соглашениями изменять таможенные тарифы.

Последовал новый поток соглашений, в том числе ежегодно возобновлявшееся торговое соглашение 13 июля 1935 г. с Союзом Советских Социалистических Республик. Во время последней войны к ним прибавились соглашения, заключенные под действием "Ленд-лиз-акта" (о военных поставках).

Об объеме и значении деятельности американской исполнительной власти в сфере "эгримента" можно судить по перечню торговых соглашений, данному Френссом Сейром в "Юридическом обозрении" Колумбийского Университета (т. 39, № 5, с. 770 — 775); с 1826 по 1939 г. таких соглашений было заключено 82, из них 14 приходится на последние пять лет.⁸

Но кроме торговых имелись и важнейшие политические соглашения, как соглашение Рузвельта-Литвинова 3 ноября 1933 г. о признании США Советского Союза или "Джентльменское соглашение" Рузвельта-Черчилля 14 августа 1941 г., известное под именем Атлантической хартии, одобренное СССР 29 сентября 1941 г. и легшее в основу Вашингтонской декларации Объединенных наций.

2 сентября 1940 г. было заключено очень важное соглашение Англии и США об уступке 50 старых американских эсминцев за право аренды 8-ми баз на Антильских островах, соглашение, передавшее США “ключи к Караибскому морю”.

Подобная практика расширения полномочий исполнительной власти (еще более увеличенная специальными актами об авторском праве, в силу и во исполнение которых президент США заключил соглашения с Швейцарией, Бельгией, Францией, Англией, Данией, Португалией, Испанией, Мексикой и рядом других стран), естественно, не раз вызвала сомнения, споры и протесты.⁹

Протесты по американской традиции воплощались в форму отвода по неконституционности, заявлявшегося в порядке судебных процессов, связанных с выполнением той или иной меры, вытекавшей из президентских соглашений. В делах Кларка против Фильда (1892 г.) Альтмана (1922 г.) и Хамптона (1928 г.) против США, Монако против экспертной компании Кертио-Райт (1936 г.), США против Бельмонта (1937 г.). Верховный суд США признавал действия конгресса и правительства конституционными: суд твердо установил (дело Бельмонта), что соглашение, связанное с дипломатическими переговорами и вылившееся в международную договоренность между двумя правительствами, “не должно требовать совета и согласия Сената, как это необходимо в отношении договоров в том смысле, в каком термин употребляется в статье Конституции о заключении договоров (ст. 2, п. 2)”.

К указанному принципиальному важнейшему решению в 1942 г. присоединился казус США против Пинк, как и дело Бельмонта, связанные с соглашением Рузвельта-Литвинова 1933 г.¹⁰

В первых из указанных дел (Фильда и др.) вопрос шел, во-первых, о конституционности полномочий президента на изменение таможенных тарифов, т. е. в сущности, о конституционности передачи президенту законодательной власти в известном объеме, и тем самым, во-вторых, о конституционности соглашений, явившихся следствием этой “делегации”.

Верховный суд признал, что в определенных международных условиях и в определенном объеме полномочия президента на изменение законов и заключение соглашений не противоречат конституции. Президент остается лишь исполнителем воли конгресса по приспособлению закона к этим условиям; его соглашения суть исполнительные соглашения.

В деле США против компании Кертис-Райт вопрос шел о конституционности мер, принятых президентом на основании соединенных резолюции конгресса, уполномочившей президента запрещать торговлю оружием и боевыми припасами со странами, участвовавшими в военном конфликте из-за области Чако (разумелась Боливийско-Парагвайская война 1934 г.).

Компания Кертис-Райт утверждала, что прокламация президента, запрещавшая продажу оружия, равно как и упомянутая резолюция конгресса, не находят обоснования в конституции.

Смысл решения суда сводился к тому, что права президента заключать международные соглашения и вести дипломатические отношения

определяют расширенную делегацию законодательной власти в пользу президента в данном вопросе. Даже иностранный закон может быть "сделан оперативным" в США путем соглашения.¹¹

Именно вопрос о действительности иностранного закона в США вставал в делах Бельмонта и Пинка. В том и другом деле речь шла о денежных капиталах предприятий, подлежащих национализации согласно советским декретам 1918 г. В деле Бельмонта капиталы были депонированы у нью-йорского банкира Бельмонта и по соглашению Рузвельта-Литвинова переданы в США в числе других претензий советского правительства к гражданам США.

Сущность дела Пинка заключалась в следующем. Российская страховая компания учредила филиал в Нью-Йорке в 1907 г. по нью-йоркским законам.

Национализация имущества этой компании в РСФСР в 1918 г. не распространилась де-факто на филиал в силу противодействия американских властей, не признававших советского правительства. Но отсутствие юридического лица собственника побудило американские власти в 1925 г. назначить администратора Пинка для ликвидации дел филиала.

По уплате долгов американским гражданам осталась сумма свыше 1 миллиона долларов. Нью-йоркский апелляционный суд по иску некоего Бега постановил обратить эту сумму на удовлетворение некоторых иностранных кредиторов с передачей остатка бывшим директорам компании. Однако казна США заявила претензию на деньги в силу соглашения Рузвельта-Литвинова и получила поддержку Верховного суда США.

Ни в деле Бельмонта ни в деле Пинка нельзя было сослаться на какое-либо полномочие со стороны конгресса на заключение соглашения Рузвельта-Литвинова. Суд, однако не усомнился в конституционности действий президента, считая, что заключение международных соглашений вытекает из общих дипломатических полномочий президента как главы исполнительной власти США.

Следует заметить, что в деле Пинка суд допустил, как добавочное основание "молчаливое согласие" конгресса на соглашение президента выразившееся в распоряжении суммами, получаемыми казной США в силу соглашения 1933 г. Таким образом решения Верховного суда США различают, по-видимому: а) чисто исполнительные соглашения на основании прямо переданных конгрессом полномочий и б) соглашения "авторизованные молчаливым согласием" или резолюцией конгресса. Те и другие, по мнению суда, конституции США не противоречат. Выше сделана попытка показать, что те и другие являются средством заполнения пробела второго отдела ст. 2 конституции США.

В делах Бельмонта и Пинка ответчики ставили вопрос о противоречии публичному порядку штата Нью-Йорк советских декретов о национализации, последствия которых были признаны на территории США соглашением Рузвельта-Литвинова.

Тем самым ставился более общий вопрос о возможности противоречия президентских соглашений законам и конституциям отдельных штатов. Как известно, этот вопрос в отношении договоров был разрешен утвердительно ст. 6 конституции США. Конституция США, их законы,

установленные в согласии с конституцией, и все договоры, заключенные и которые будут заключены США, будут верховным правом страны, хотя бы в конституциях и законах отдельных штатов встречались постановления, им противоречащие. На основании этой нормы Верховный суд США признавал недействительными законы отдельных штатов, ограничивающие права наследования или право приобретения собственности, или права осуществления профессий для иностранцев, в отношении которых такие права были гарантированы договорами США.¹²

Более того, Верховный суд, считая, что все договоры являются верховным правом США, признал, что закон Конгресса об охране перелетных птиц от истребления, хотя он и выходит за пределы законодательной компетенции конгресса согласно отделу 8 ст. 1 конституции, все же действителен, так как он является следствием соответствующей международной конвенции, ратификованной сенатом и президентом США. Такие международно обусловленные законы не могут лишь давать иностранцам больших прав, чем права граждан США.¹³

Тем самым открыта возможность путем заключения договоров расширять законодательную компетенцию федеральной власти.

Поскольку соглашения президента формально не являются договорами в смысле ст. 2 конституции, возникает вопрос являются ли они в глазах суда США верховным правом США и, следовательно могут ли они устранять законы отдельных штатов и открывать путь к расширению федеральной компетенции за счет штатов?

Насколько мне известно, суд ни разу прямо не высказался за или против. Строго говоря, следует ожидать отрицательного ответа. Однако мы видели, что в делах Бельмонта и Пинка было, по существу, допущено распространение соглашением действия иностранного закона на территорию США, хотя суд в тексте решения старательно избегает сказать это прямо. Тем самым, несомненно, допущена возможность расширения компетенции центрального правительства США за счет штатов путем не только договоров, но и президентских соглашений.

Новейшим американский комментатор прямо признает, что президент и конгресс путем соглашений с иностранными государствами, хотя бы эти соглашения были малы и незначительны, могут "подорвать" права штатов, так же, как это возможно путем договоров, проходящих сенатскую ратификацию.¹⁴

Формальный договор и президентское соглашение здесь, несомненно, начинают сближаться. Большое политическое такое сближение подчеркивается ростом количества президентских соглашений. По подсчету отдела договоров государственного департамента США, на 18 декабря 1937 г. было заключено 914 президентских соглашений, из которых свыше 100 не опубликованы. Эти соглашения распределяются следующим образом:

Почтовые соглашения и конвенции	319
Торговые	100
Арбитражные	99
Паспортные (о визах и сборах)	54

Морские (навигация и посещение морскими судами США иностранных портов)	50
По долгам и мораториям	28
По воздушному транспорту	27
По информации о торговле наркотиками	22
О промышленной собственности	17
О двойном обложении	14
О радиосвязи	12
Пограничные	8
Политические (о перемирии, территориальных приобретениях, валютной политике, членстве в Международной организации труда и т. д.)	164

Эта таблица наглядно показывает, что соглашения “исполнительного” типа (торговые, почтовые, о промышленной собственности) начинают количественно уступать соглашениям, молчаливо “авторизованным”, т. е., в сущности, основанным на истолковании конституционного пробела. Подведем итоги.

* * *

“Исполнительные соглашения” президента США представляют собою своеобразный институт частью конституционного, частью международного характера.

Разветвленная система международных соглашений создана в этом случае практикой, заполнившей конституционную “лауну” (пробел), и лишь частично основана на специальных законодательных полномочиях. Это не мешает соглашениям сближаться в своем значении с формальными договорами, прошедшими через сенат, и нередко разрешать важнейшие политические вопросы.

Для правящей буржуазии США и ее руководящих партий политический смысл создания этой системы заключается в большой быстроте действия и гибкости данного орудия международных сношений. Поэтому можно ожидать дальнейшего роста этой системы, в особенности в сложной послевоенной международной обстановке.

С конституционноправовой точки зрения президентские соглашения одно из ярких проявлений роста президентской власти и федеральной компетенции, наметившегося в конституционном праве США, начиная с 70-х гг. прошлого века.

¹ См. особенно Мак-Клор Международные исполнительные соглашения, 1941 (на англ. яз.), Кэндаль, Договоры 1916 (на англ. яз.) с. 102 — 140, Мур Дигесты, т. V, п. 752 — 756 и указанные у них статьи Из крупных курсов Хайд (1922) и Рейдих (1937).

² См. В. Н. Дурденевский Послевоенные конституции Запада, 1924, 1, стр. 16.

³ Там же; с. 15, перевод в сб. “Конституции буржуазных стран” 1936, т. 1 неточен. Так, например, вместо “конфедерации” в нем фигурирует “конференции”.

⁴ О понятии пробела в праве см. Э. Цительман, Пробелы в праве, Лейпциг 1903 (на нем. яз.) с литературными указаниями.

⁵ По данным Госдепартамента США и американского проф. Дендерфильда, сенат США с 1789 г. по 1934 г. из представленных ему для одобрения 962 договоров отклонил или притормозил так или иначе 280; при этом 15 договоров были отклонены полностью и 173 приняты с изменениями, что повлекло в 48 случаях отказ контрагента.

⁶ По фамилии заключавшего их со стороны Мексики министра иностранных дел.

⁷ За первые полвека существования Соединенных Штатов Америки таких договоров было заключено 349 с получением так называемой сенатской ратификации.

⁸ Заметим в числе этих соглашений исторически интересное — протокол от 23 сентября 1915 г. с Россией о разрешении вывоза из России в США товаров, ранее подпадавших под военное эмбарго.

⁹ См. Шульц, Дигесты международного права, т. V, с. 215

¹⁰ Таможенный и патентный суд США в делах Флетчера (1937 г.) и Уислера (1938 г.) признал себя некомпетентным обсуждать вопрос о конституционности торговых соглашений президента. Я не останавливаюсь поэтому на его практике.

¹¹ См. выдержки из решения в “Колумбийском юридическом обозрении” 1942, май, т. 42, № 5, с. 837 и 841.

¹² Дело Хаунштен против Лингама (1879 г. наследование), Асакура против Ситл (1924 г., профессия), Джордон против Таширо (1928 г., приобретение собственности). См. Чарльс Герстенберг, Американское конституционное право, 1937, с. 48 (на англ. яз.).

¹³ См. дела Миссури против Голланда (1920 г.), Тодок против банка США (1930 г.), там же

¹⁴ См. “Колумбийское юридическое обозрение”, 1942, № 5 с. 842.

Статья поступила в редакцию от профессора Лазарева М.И. в июне 1999 г.

НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО, ВОЕННАЯ АКЦИЯ АЛЬЯНСА ПРОТИВ СРЮ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (Дискуссия на кафедре международного права МГИМО (У) МИД РФ)

Профессор В.А. Романов

Свое пятидесятилетие Североатлантический альянс отметил под несколько помпезным девизом: “НАТО XXI века берет начало сегодня: новые миссии, новые члены и новые партнеры.” Здесь не упоминается новая Стратегическая концепция, принятая на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г. Это однако не означает, что концепция не заслуживает самого пристального внимания, и прежде всего, с точки зрения ее соотношения с существующими в мире реальностями, включая сложившийся международный правопорядок.

Для Стратегической концепции НАТО характерно то, что выдвигая далеко идущие военно-политические установки для деятельности союза в предстоящие годы, она пытается сконструировать для них и некие особые международно-правовые, а то и квази-международно-правовые параметры.